

ПО ТУ СТОРОНУ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№14 (АВГУСТ 2020)

НЕКРОЛОГ

Автор: **Д. Миненков**

12+

Дмитрий Миненков

Некролог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62803816

SelfPub; 2020

Аннотация

Скромные очерки одинокого промоутера Антона, из которых вы узнаете, как организовать свой быт, если после смерти вместо загробного мира вы оказались в заброшенной деревушке близ кладбища.

Содержание

Пролог	4
Интервью	6
Призвание	15
14.07	15
16.07	18
17.07	21
18.07	28
20.07	30
23.07	32
25.07 (утро)	35
25.07 (вечер)	40
26.07.	41
27.07	43
28.07	44
29.07	45
31.07	47
3.08	48
4.08	50
8.08	51
9.08	52
Некролог	53
Эпилог	54

Дмитрий Миненков

Некролог

Пролог

– И что?

– Что?

– Я готов...

– Ну, раз готов, иди.

– А куда идти?

– Да куда хочешь.

– Это как?

– Очень просто. Встаёшь, задвигаешь за собой стул, уходишь и не задерживаешь очередь.

– Какую очередь? Я же здесь один? И как я выйду, если в этой комнате ни одной двери?!

– Так же как вошёл сюда.

– Я... Я не помню, как здесь оказался...

– Зато я помню. Как и большинство, очень посредственно.

– А есть выдающиеся случаи?

– Редко, но бывает всякое. Я смотрю, готовности в тебе пубавилось?

– Нет. Просто не каждый день разговариваю в таком месте.

– А вот я здесь каждый день. И разговаривать мне с тобой не о чем.

– Не о чем? Так зачем ты тогда здесь сидишь...

Реплики раздавались в такт мерным раскачиваниям тусклой лампочки, повешенной на длинном грязно-сером кабеле. Старый металлический плафон собирал лучи слабого света в широкий конус, который последовательно высвечивал буро-зелёную штукатурку стен, две сидящие на табуретах фигуры в длинных, до пола, балахонах с накинутыми капюшонами в тон здешнего интерьера и грубо сколоченный пустой деревянный стол между ними.

Слова продолжали множиться и петлять друг за другом, не в силах выстроиться в нужную комбинацию, и диалог всё дальше уходил от сути происходящего.

Блёклому свету так и не удавалось наткнуться хоть на какое-то подобие двери в стенах этой крохотной комнаты...

Интервью

– Привет, – говорит сонная жена рано встающему на работу мужу.

– Здравствуйте! – говорит заморожённый красотой восхода мальчишка, заметив курящего на смежном балконе соседа.

– Счастливого дня, – говорит задумчивый дворник вслед приветливым, спешащим на службу прохожим.

– Ещё полчаса, – говорит студент, упрасывая сквозь сон будильник.

– Черт бы побрал это утро... – говорит Антон, поднимаясь через силу с жёсткой постели.

Странно, но оказалось, что такой редкий индивид, как Антон, скорее ближе к студенту, чем к обычному человеку.

Давайте же узнаем поподробнее, как начинается он свой обычный (или не совсем?) день.

Следующий фрагмент является частью дневника, записанного Антоном по нашей просьбе специально для этого интервью (орфография и пунктуация автора полностью сохранены).

С уверенностью заявляю, что утро – самое поганое время суток, вне зависимости от того во сколько вы встали. Да-да, и не пытайтесь меня переубедить, счастливого утра бывает

только в рекламных роликах.

Вечер, ночь, они расслаблены, полны надежд, покоя, граничащего с магией, ради них стоит претерпеть неисчерпаемую суматоху дня.

Но утро... оно бесцельно, бракованное звено, соединяющее в цепочки череду дней. Оно, как молния, пробивает покойный небосвод сна и начинает гнать тебя навстречу однотипной суете, в которой так просто растерять все драгоценные дары ночи: хоть чего-то да стоящие мысли, уверенность, планы. К концу дня ничего из этого у тебя уже нет, и ты, увлечённый ночной безмятежностью, снова отправляешься на поиски подлинных ценностей, надеясь, что теперь-то точно удастся их сохранить.

Но утро безжалостно.

Этой ночью, мне кажется, я почти смог понять, почему именно мне довелось оказаться в числе немногих, отправленных то ли в награду, то ли в наказание (я больше склоняюсь ко второму) обратно. Нерешительность, сомнения, страх – всё завязано на этом. Но усталость заставляет меня уступить, и несколько мыслей, записанных в полудрёме – то немногое, что удаётся спасти.

11.07

Перечитал вчерашнее – в момент написания оно казалось мне более значимым. Но зато теперь вы понимаете, с какими чувствами я встретил это утро (впрочем, как и любое другое).

Сегодня интервью (на которое я непонятно зачем согласился), наверное, поэтому ежеутренний ритуал разглядывания себя в зеркало я растянул на бессовестные полчаса. Случалось, что я объяснял себе бледность и худобу особенностями освещения в комнате и старостью кое-где совсем помутневшего и затёртого зеркала (до сих пор не могу понять, кому пришло в голову притащить такую громадину в маленькую избушку: может, низкая цена на барахолке не дала бывшим хозяевам пройти мимо этого потрепанного раритета). Тем не менее, на этот раз я был уверен, что выгляжу и вправду неважно.

Высокий, но безнадежно сутулый, весь торс в длинных синюшных рубцах, руки и ноги, кажется, каким-то чудом приводятся в движение тощими тяжами слабых мышц под тонкой кожей. Лицо... это отдельная история.

Мне кажется, что моё лицо изображает застывшую навеки раннюю весну: из под грязно-белого покрова кожи тут и там пробиваются к свету разрозненные пучки жиденькой растительности, включенные жесткие волосы на голове продолжают редеть и напоминают нагромождение пустых ещё с осени веток, серо-зелёные лужицы глаз подсыхают на первом обманчивом солнышке.

В общем, такой себе видок. Пришлось набрать из колонки побольше воды и бриться, умываться и причёсываться в два раза тщательнее обычного. Прямо как на свидание. Стало даже как-то жаль, что это не так (хотя кому я такой недоби-

тый случился).

Думаю, стоит надеть парадно-выходную оранжевую футболку (скроем блёклое существование за яркими цветами!) и очки – день обещает быть солнечным. Или лучше кепку? Тогда к чему я столько причёсывался?

И зачем я вообще пишу всё это? Хотя мне сказали записывать всё подряд, видите ли, их очень интересует мой внутренний мир. А там ничего, пусто, нечем интересоваться! Осталась от меня одна неполноценная оболочка да ворох никуда не годных потрохов, а всё хорошее, что должно было отлететь в мир иной, споткнулось на полпути и растворилось в небытии. Вот так и продолжает Антошка небо коптить.

И что меня дёрнуло в это ввязаться! Сидеть тут, расписывать... Пошло бы оно всё...

Собственно, это все записи, сделанные Антоном в тот день. От дальнейшего ведения дневника он отказался. Интересно почему, не правда ли? Может, слова, что он сдерживает внутри, приносят ему гораздо больше боли, чем внешние изъяны, на которые он лишь пытается сместить акцент, скрывая свои настоящие переживания.

Это мы и попытались выяснить у него во время личной беседы.

– Вам не кажется, что вы сильно выделяетесь на фоне других местных жителей?

– Выделяюсь? Только если на фоне вашей парочки своей пока ещё более-менее сносной физиономией.

– С чем связана такая ваша... как бы деликатнее выразится... грубость, озлобленность... нет, скорее даже ядовитость?

– О, как! Ну, последнее, могу точно вас заверить, заслуга трупного яда, подтачивающего меня изнутри столько времени. Вот и случается, что ненароком выплеснешь пару капель.

– Иными словами, это не ваше обычное состояние, и мы просто попали под раздачу?

– Знаете, под раздачу, а если быть точным под штрафы, попаду я, если не буду в конторе у шефа через полчаса.

– Простите, насколько я могу понять, вы где-то работаете?

– Прощаю. Я ж ещё вчера вам говорил, что мне к десяти на работу надо успеть.

– Да, теперь нам бы хотелось уточнить, кем именно вы работаете, если это, конечно, не секрет.

– О, я даже записал на всякий случай, чтоб не забыть... Промоутер-аниматор! Проще говоря, весело раздаю рекламные флаеры магазина экопродуктов в костюме кабачка.

– Вы этим занимаетесь для души?

– Ага. Для денег.

– А для чего вам собственно эти деньги?

– Ну, знаете что, знатоки потусторонней жизни, я, может, и разделяю с вами кров и, так сказать, культурно-смысловое поле, не по своей воле, хочу заметить, но прозябать здесь целыми днями в ожидании неизвестно чего я не намерен.

– Именно это мы и имели в виду, когда вначале заговорили о вашей индивидуальности и непохожести на остальных.

– Да вы ж сами работаете, что ж тут особенного? Скажи только, что за бесплатно. Но это скорее ваше личное упущение, давно бы уже какой-нибудь рекламы понапихали себе в газету.

– В том-то и дело, что нам, как и всем здесь, не нужны деньги. Для нас журналистика это своего рода отдушина. Она помогает читателям и нам самим отвлечься от повседневной неподвижности.

– Отлично! Очень рад за вас и ваших читателей. Но мне помогает отвлечься вкусный ужин в уютном кафе. А для этого по-прежнему нужны деньги.

– Выходит, вы так и не смогли принять здешних ценностей?

– Например, каких? Дождаться второй кончины в мучительных размышлениях, будет ли она вообще?

– Вам не кажется, что вы слишком утрируете и прямо-таки

изо всех сил пытаетесь всё очернить?

– Нет. Я же покойник. А они, как известно, самые подлинные реалисты. По крайней мере, мне так казалось до встречи с вами.

– Каким вы видите своё будущее?

– Ну, хоть вы и уличали меня в пессимизме, до конца лета я рассчитываю дослужиться до повышения.

– Интересно, и что оно за собой повлечёт?

– Ничего кардинально нового, но пара приятных мелочей в виде свеженького костюма апельсина, работы в торговом центре, а не только на улице и повышения оклада будут очень кстати.

– У вас очень скромные планы на будущее. Или костюм апельсина для вас действительно значимая цель?

– Вы так недоверчиво к этому относитесь, потому что никогда не работали в этой сфере. Овощи у нас – это низшая каста, а апельсин – это совсем другой уровень... удобный костюм, фотографируются все, вокруг сплошь детские улыбки...

Нам, наверное, пора закругляться, а то одно опоздание – и не видать мне в обозримом будущем никаких повышений.

– Хорошо, тогда последний вопрос. Что могло бы стать вашим призванием в этом мире?

– Страдание.

Вот так неожиданно и закончился наш разговор с самым неоднозначным жителем Воскресенского. Пожелаем

ему удачи в его начинаниях и внутренних сил для поиска себя и своего места.

А следующий номер «По ту сторону» читайте уже через неделю.

Призвание

14.07

В одном я им соврал: в тот день у меня был выходной. Но это же не значит, что я должен был потратить его целиком на разговоры с этими журналюгами. Да и о чём, собственно, говорить?

Чем больше времени проходит после, тем сложнее наполнять смыслом события или их отсутствие.

Мне до сих пор не понятно, на кой я им сдался. Хотя, учитывая, что на нашем кладбище, или, как сейчас стало модно говорить, некрополе всего лишь несколько десятков недо- или переумерших (уж сам не знаю) чахликов, из которых только около половины более-менее разговорчивых, рано или поздно я был обязан попасться в лапы к этим недобитым писакам.

Нет, в целом, братья Слизнёвы – неплохие ребята, просто лезут куда попало и выглядят жутковато. Последнее кстати, как видимо и то, что они оказались в числе неупокоенных задохликов, следует из первого.

Во времена своей догробной жизни они были честными журналистами-правдолюбам и разъезжали по провинции, обличая произвол и бесчинство местных власть иму-

щих. Один из регионов они стали посещать особенно часто: уж больно скверные там творили делишки, а инфоповоды в СМИ лишь ненадолго меняли общую картину.

Журналистские расследования в наше время – дело не очень благодарное и крайне опасное, но Слизнёвы, взяв на себя нелёгкий долг служителей народа, продолжали насаждать на негодяев, вскрывая всё новые и новые факты. Объясняя журналистам, что так делать не надо, группа ответственных за профилактические беседы людей явно перестаралась. Так братья и оказались здесь, на Воскресенском.

Тела их, а в особенности лица, были далеко не в лучшем состоянии. Но тягу к журналистике выбить из них так и не удалось. Поэтому, как только братья немного освоились и поняли, что к чему, свет увидели первые выпуски их нового самиздат-проекта «По ту сторону», малотиражной газеты о здешних колоритах, личностях и редких событиях.

В общем, каждый развлекается как может. Даже (или скорее особенно) после такой вот неполноценной смерти, которая приключилась с нами.

Никто не знает, как это происходит, да и контингент тут обычно набирается не очень вдохновлённый на поиск новых откровений. Поэтому существует пара-тройка пустых версий и уйма времени, чтобы их пообсудить и остаться с изначальным ничем. Та ещё забава.

Кстати, я соврал Слизнёвым дважды. Личные записи, которые они предложили мне вести, чтобы потом вставками из

них разнообразить интервью, я не забросил после первого же раза. Напротив, эта писанина самому для себя мне даже понравилась. Не назвал бы это дневником, так заметки безутешного, но иногда помогает отвлечься.

Подумываю о том, что, когда закончу эту тетрадку, можно будет подбросить её в одну из книжных кафешек в центре, например, в «Угрюмую улитку». Вот смеха-то будет, когда кто-нибудь из любопытства решит её полистать. А там, глядишь, если попадётся особо впечатлительный читатель (в Улитке таких полно) смогу стать основоположником нового эзотерического учения. Вот это я понимаю жизнь после смерти... Только надо будет этим запискам ручной переплёт заказать и ещё название придумать интересное. Сейчас рабочее «Записки с того света» ... не знаю, что-то мне это напоминает, а ничего оригинальнее пока в голову не идёт.

Кажется, светает, скоро на работу...

16.07

Что можно рассказать о “жизни” здесь? В целом она мало чем отличается от моих прежних будней. Да, теперь у меня низкооплачиваемая неофициальная работа, не чета моей прошлой службе, но и ответственности никакой, спрос с тебя минимальный: приходи вовремя, не филонь и старайся честно раздать свою ежедневную пачку листовок, будь полюбезнее с людьми и всё – грошовая зарплата беженца-маргинала тебе гарантирована. Казалось бы, серьёзный повод сетовать на мои новые реалии, но всё уравнивается снизившимися потребностями. Есть практически не хочется; знаю пару ребят, что высохли почти до костей, пока им не сказали, что они по-прежнему могут есть, а то эти бедолаги, утратив аппетит, уже возомнили себе, что внутри у них всё сгнило и вообще они чуть ли не ожившие мертвецы. Нет, так-то оно, конечно, так, но с зомбаками нас объединяет только “загробная” жизнь. Ни тяги к человеческой плоти, ни безвольных хромоногих шатаний по кладбищу и тёмным городским закоулкам под звуки собственных пугающих стонов – ничего такого среди наших оживших задохликов нет, я ручаюсь. Видок у здешних обитателей, безусловно, потрёпанный: все как один бледные, худые, ссутулившиеся, кто-то вообще очнулся калекой. Но работал я по молодости в одном офисе и там, скажу вам, подборка была не лучше (может, их с Воскресен-

ского и набирали, кто знает...).

Так вот... вернёмся к потребностям. Есть почти не хочется... Хотя признаюсь: у меня осталось пристрастие к сладкому, я, наверное, только потому и работаю целыми днями, как обычный человек, чтобы позволить себе вечером стаканчик кофе и пару пирожных в каком-нибудь тихом, уютном кафе.

К слову, энная часть наших бродяжничают в поисках себя и хоть какого-то смысла, некоторые уходят с головой в книги, не знаю уж, что они рассчитывают там найти. Полноценно к прежней жизни не пытаются вернуться никто. Конечно, немногие счастливчики вроде Слизнёвых смогли найти применение своим навыкам и реализовывать свой потенциал даже в нашем посмертном захолустье, но и они скорее культивируют остатки своего прошлого в новых реалиях, не в силах от него отказаться (как, впрочем, и я от сладкого), чем пытаются вернуть былое. Всё потому, что смерть ни для кого не прошла бесследно. И дело даже не в том, что после того, как ты выползаешь из вонючей тины близлежащего болота, в которое с каждым годом утягивает всё новые и новые захоронения, ты похож на пожёванную беззубой коровой пластилиновую версию себя. Нет. Всё гораздо сложнее.

Постоянный спутник того, чья жизни по неизвестной причине продолжилась после того, как его тело в дурацком ящике опустили в заболоченную яму и халтурно присыпали землёй местные прохиндеи, ПУСТОТА. Радости, смыслы, надежды, цели – всё, что делает нашу нелёгкую жизнь такой

притягательной и бесценной, в одно мгновение исчезает, и внутри остаётся лишь нагая беспредельная пустошь. Не существует больше десятков невидимых пут, крепко связывавших тебя с земными идеалами, теперь все они прах, раздуваемый неугомонными ветрами пустоты. Ты ждёшь новых откровений, истин, что заполнят бездну внутри, а вместо этого оказываешься в прежнем мире, неся в себе пустоту, которой ему больше нечего противопоставить.

Не знаю, удалось ли мне передать то состояние, в котором мы вынуждены существовать. Но если по-простому, то нас как будто не пропустили на следующий после жизни уровень и отправили обратно: перепройти можно, даже бонусов всяких насобирать, только ты уже прекрасно знаешь, что в конце всё обнулится. Теперь значение имеет лишь: пустят ли тебя дальше и существует ли оно вообще.

Вот и ломай себе голову в объятых неизвестности посреди непроглядной пустоты.

Вообще, я собирался описать более материальные стороны нашего существования, но, видимо, придётся отложить это до следующего раза и отправиться на прогулку, утапывать в землю подступившую к горлу грусть-тоску.

17.07

Так, на чём я там вчера остановился? Ага, печальные за- нудства... а, вот то, что нужно (так сказать под настроение): пожалуй, стоит озаглавить сегодняшние записи: “Описание уклада и быта Воскресенских умертвий или путь от могилы до общины” и постараться не отходить от темы.

Скажу сразу: несмотря на то, что таким вторым роддо- мом для всех нас стало Воскресенское кладбище, никако- го вурдалачего быта в склепах (которых тут, к слову, раз, два и обчёлся) и гробах мы не практикуем. За исключени- ем нескольких совсем потерянных, чудаковатых доброволь- но бездомных, все квартируются в заброшенных домах со- седней вымершей деревушки (именно её жители и легли в основу первых линий нашего кладбища).

Моё жилище – маленькая, цвета морской тины, хибарка на самом краю поселения, близ конечной автобусной оста- новки, с которой я почти каждый день мотаюсь в город и об- ратно.

Из всех благ цивилизации моя обитель располагает немногим, но, по-моему, самым необходимым для новой жизни, а именно

(давно хотел провести опись своего имущества):

1. Бревенчатые стены – четыре штуки. Широкие щели в них густо замазывали штукатуркой ни одно поколение жиль-

цов. Я же решил эту проблему элегантнее – монтажной пеной. Баллонов я истратил порядочно, но зато моя избушка стала по-настоящему неприступной для ветра крепостью.

2. Обложенная кирпичом буржуйка, оказавшаяся не только чудесным теплогенератором, но и неплохой альтернативой газовой плите. К тому же в деревне обнаружился погреб, доверху забитый углём, так что отпала необходимость ходить за дровами (хоть это пошло в ущерб крестьянской романтике).

3. Умывальник, который по своему устройству напоминает кулер, подвешенный над раковиной с выведенной на улицу сточной трубой. Не центральная канализация, но после пары месяцев эксплуатации он перестаёт казаться таким уж ужасным. Если бы ещё за водой не приходилось таскаться к колонке... ладно, оставим бесплодные мечты на потом.

4. Туалет дачный. И это самый главный удар по концепции «мой дом – моя крепость», потому что жилище с удобствами на улице тянет максимум на статус окопа.

5. Дубовая (судя по жёсткости) кровать. Кажется, её не спасёт даже три матраса (два точно не помогают). Стоит только возлечь на это спартанское ложе и прикрыть глаза, как тебя начинают одолевать сомнения, не в гробу ли ты вновь оказался. Может, поэтому у меня проблемы со сном?

6. Так, остались одни мелочи: тяжеленный деревянный стол и две табуретки под стать ему, очень удобное кресло с засаленной, кое-где расплзающейся тёмно-зелёной обив-

кой, лампа на батарейках, пара криво повешенных полок, кое-какая посуда и почерневший от времени кованый сундук с всякими мелочами.

Всё, вроде справился.

Собственно, подобное благоустройство с небольшими вариациями имеют все здешние жилища, облюбованные нашим братом. Разве что дом-редакция Слизнёвых, развёрнутая в бывшем сельском клубе, устроена иначе.

На первый взгляд форпост местной журналистики такое же заброшенное здание, как и все остальные, только двухэтажное. Но внутри него, по какой-то счастливой случайности, сохранилось электричество, и, как выяснилось, это меняет многое. Особенно, когда в таком месте оказывается не очень-то прихотливый, но очень рукодельный электромонтёр Анатолий.

Дядя Толя (так мы зовём его, потому что среди относительно молодых оживших он один из немногих, кому удалось дотянуть до пенсионного возраста с первого раза), очутившись на Воскресенском несколько лет назад и более-менее разобравшись в том, что здесь происходит, решил, подобно журналистам, не отказываться от своего призвания (которое его, к слову, и сгубило) и продолжить копать в проводке, электроприборах и тому подобном. Конечно, для такого человека выбор в качестве жилища единственного электрифицированного здания в округе был очевиден. Правда, в то время только дядя Толя знал о том, что часть проводки в клубе

уцелела (профессиональное чутьё – не иначе).

В общем, не прошло и пары месяцев, как клуб наполнился пробивающимся через многолетнюю пыль светом люстр, дребезжанием где-то добытого и отремонтированного электрочайника и незатейливыми мелодиями из восстановленного радиоприёмника. Дядя Толя всегда был человеком гостеприимным и здесь этого качества не утратил – вечерние посиделки-чаепития на первом этаже сельского клуба стали обычным делом.

Чуть позже одна из завсегдатаев таких званых вечеров, учитель русского при первой жизни Елизавета Павловна, обнаружила в закромах клуба вполне сносную библиотеку. Местные книголюбы её поддержали и понесли отовсюду ещё столько же разнообразной литературы. Так первый этаж заброшенного сельского клуба стал походить скорее на литературное ретро-кафе, чем на место досуга нечаянно оживших.

Сам дядя Толя занимал всего одну небольшую, но хорошо освещённую комнатку на втором этаже, в которой, по всей видимости, раньше обитал управляющий. Поэтому когда к нему пришли отчаявшиеся найти подходящие место для своего ремесла Слизнёвы, он с радостью согласился отдать оставшиеся помещения под их редакцию и помочь с необходимым оборудованием. С того момента дядя Толя, назначенный братьями ответственным за всё электрооборудование в редакции, вновь обрёл постоянную работу, чему был

несказанно рад.

Он с удовольствием принялся чинить (а точнее, собирать нечто рабочее из кучи никуда не годного) старые принтеры, маломощные компьютеры, пузатые мониторы, которые несли со свалок все сочувствующие общему делу. Я, кстати, тоже приволок как-то купленный за сущие копейки на радио-рынке потёртый увесистый ноутбук – с ним, кажется, дядя Толя периодически возится до сих пор.

Когда требуются чернила, бумага и прочие расходные материалы, не признающим коммерческой деятельности Слизнёвым приходится через посредников брать для дяди Толи заказы на ремонт техники с большой земли. Как бы тягостно ни было братьям признавать это, но даже им иногда нужны деньги.

Вообще Слизнёвская бравада про неработающих Воскресенских идеалистов – конечно же, обычная журналистская утка. Будь ты хоть сотню раз оживший, если тебе понадобится что-то из материальных благ этого мира (а рано или поздно так случится), на “бесплатно” и “задаром” можешь не рассчитывать. И тогда, хочешь не хочешь, придётся идти зарабатывать. Как ты это будешь делать – вопрос другой. Но если уж ты вернулся в социум, этот пункт стороной тебе обойти не удастся.

Что ещё интересного у нас тут организовалось? Ах да! (сказывается мое питание на стороне). Не так давно общинный дух нашей недобитой братии укрепил Гриша, устро-

ивший в одном из домов пекарню, с фактически бесплатным хлебом и сдобой на любой вкус. Этот славный парень оказался здесь по вине нелепого ДТП явно раньше положенного срока. Как и многие, слегка осмыслив случившееся, он решил остаться с подобными ему бедолагами и занял неприметный домик близ колонки. Повар по профессии, Гриша, обнаружив у себя под боком дореволюционную русскую печь, заново обрёл себя.

Поначалу он готовил всё подряд из того, что смогли раздобыть соседи, которые не забыли о том, что даже после формальной смерти есть хоть иногда, но нужно. Затем, понемногу освоившись с печью и имеющимися в нашей загробной деревушке ресурсами, Гриша решил вспомнить свою первую работу в качестве помощника пекаря и перешёл на выпечку (первые и вторые блюда в неизменных кубастых чугунках он теперь делает только по особым поводам). Сдоба у него, кстати, выходит не хуже, чем в городских булочных (а я, признаюсь, захаживал во все наиболее приметные).

Работает Гриша, под стать остальным Воскресенским трудягам, крайне фанатично, а потому неизбежный избыток продукции ежедневно продаёт на городском рынке здешний помазанник Гермеса Андрей. Коммерческие заказы для дяди Толи по просьбе Слизнёвых тоже подыскивает он всё на том же рынке.

Если рассматривать наше неформальное хоррор-объединение нечаянно оживших как некую общину (а именно тако-

го мнения я и придерживаюсь), то Андрюша в ней занимает место главного казначея. И пусть на кладбище Андрей попал по далеко не самой обычной причине, для многих он стал надёжным товарищем, а его предпринимательские таланты явно пошли на пользу здешнему небогатому хозяйству. Что и говорить, с его появлением наша новая жизнь окончательно наладилась. Теперь остаётся только «жить и радоваться!». Да что-то у меня не выходит...

18.07

Хоть я и расписал тут все прелести нашей дружной общины, но, откровенно говоря, я не ощущаю себя её частью. Конечно, мне здесь всегда рады, и, в свою очередь, я всегда готов оказать посильную помощь в каких-то общих делах Воскресенского. Но в целом... нет. Я сам по себе.

Может, до этого признания и пытались докопаться внимательные Слизнёвы, напирая в течение всего интервью на мою нехарактерную для здешних обособленность и индивидуальность?

Так или иначе, я, и правда, предпочитаю своеобразную социальную изоляцию в одной из городских кафешек общению с товарищами по несчастью. Каждый день я провожу среди сотен незнакомых мне обыкновенных людей, которые и не догадываются о том, что порой происходит на Вознесенском. И меня это устраивает.

На улице в толпе прохожих или в чайной в окружении других посетителей я не ищу общения. А просто наблюдаю, размышляя о мелочах, деталях сюжетных линий судьбы, которым уже никогда не суждено сбыться. Как и пристрастие к сладкому это ещё одна вредная привычка из прошлого.

Сколько себя помню, я постоянно планировал, мечтал и фантазировал над всем, что могло бы со мной произойти. План длиною в жизнь. И не в одну. Десяток не меньше...

Сжечь столько времени, чтобы осветить пленительный калейдоскоп событий и пускать на них слюни. Да, это было в моём стиле.

Но больше я ничего не планирую, просто смотрю на людей и даю мыслям полную свободу складываться в какие угодно истории. Скинув с себя ношу пустых амбиций и притязаний, я не спеша плетусь через преграду дней навстречу неизвестно чему. Хотелось бы верить, финалу. На этот раз полноценному.

20.07

По традиции перечитал пару последних записей. Пришла мысль: «А что если все мы в аду?». Я, конечно, не первый, кого посещают такие идеи, ну а чего вы хотели от кучки очнувшихся после смерти людей?

Ведь по логике вещей мы должны были оказаться в одном из полюсов загробного мира (рай/ад, парадиз/геенна огненная, называйте их, как хотите), или, на худой конец, навсегда раствориться в небытие, ну, или хотя бы переродиться в иной оболочке. А что в итоге?

Мы очухались всё на той же земле, где нас намедни прикопали, и продолжаем жить по старым, хорошо знакомым правилам. И никаких тебе сансар и новых миров. Но, может быть, именно такая форма ада уготована самым злостными грешниками.

Быть запертым в нашем мире, не зная, будет ли всему этому конец или мы обречены скитаться здесь вечно, чем не наказание? Хотя, с другой стороны, большинство новожиителей Воскресенского не выглядит такими уж горькими страдальцами, а некоторые (те же Слизнёвы, дядя Толя, Гришка) так и вообще, кажется, счастливы...

Тогда, возможно, мы оказались в каком-то промежуточном положении между раем и адом. В лимбо... (хотя нет, это, кажется, какой-то танец) в лимбе (я что-то читал об этом еще

в школе).

Что ж, быть избавленным от кипящих котлов, раскалённых кольев и прочих инструментов адских увеселений уже неплохо.

23.07

Если на смертном одре вы сможете с уверенностью сказать, что ничего плохо не делали и, в сущности, были вполне порядочным человеком, разве это сможет вас успокоить? Лично мне не помогло.

Жизнь заканчивается так же неожиданно, как начинается, абсолютно без нашего участия. Твоё мнение никто не учитывает. Можешь завещать оставить его на своём надгробии. На большее оно не сойдётся. Ты был, и тебя не стало. Стоит просто принять это и не сопротивляться.

Я не упорствовал. Не успел. Но было до жути обидно расставаться с этим миром, раз и навсегда лишиться непостижимого чуда жизни. В конце концов, было попросту жалко самого себя.

Вообще, мне кажется, что именно сожаления обо всём, что мы когда-то совершили или, наоборот, не смогли, делают нас людьми.

Могла ли запредельная доза жалости, принятая мной в ту роковую ночь, стать причиной того, что я продолжаю существовать по-прежнему, по-человечески, и не смог перейти в какое-то качественно иное состояние?

А, может, моя смерть не удалась, потому что я умер уже давно?

Интересно, когда это могло произойти? В пятнадцать или даже в тринадцать лет, когда я впервые пренебрёг бесценными дарами жизни. Видимо, она такого не терпит и немедленно, без всякого предупреждения расстаётся с наглецами. А они, ничего не заметив, продолжают очернять и поносить то, что им уже никогда не будет доступно. Отныне их удел – по инерции существовать на самых задворках, в тени отбрасываемой настоящей жизнью. Высокая цена за неискоренимую человеческую глупость.

С чем бы сравнить такое безрассудное наше поведение?

Не знаю, приемлема ли моя схема для женщин, но уж больно она мне нравится.

Жизнь – это роскошная красавица, роман с которой мы закрутили с самого рождения. И именно в этом кроется вся наша беда. К моменту, когда мы возмужаем и окончательно окрепнем, она, какой бы привлекательной и обворожительной ни была, входит в привычку, приедается и, в конечном счете, утомляет. Мы перестаём смотреть на красотку, подпустившую нас к себе так близко, и всё больше заглядываемся на обольстительных незнакомок: смерть, философию, новую жизнь.

Только вот, растрчивая себя на пустые заигрывания с другими, мы неизбежно отдаляемся от нашей первой самой преданной и честной возлюбленной, и редко кому из людей удаётся спасти эту первую любовь.

Грустно, конечно, но вряд ли нам когда-нибудь удастся

поменять эту закономерность.

25.07 (утро)

Последний раз я пользовался такси ещё при первой жизни. И тогда это было гораздо удобнее. Ты просто садился в машину и доезжал до дома – просто, быстро, зачастую дорого.

На этот раз мне пришлось поступиться комфортом в угоду конспирации. Не знаю, возможно, мой мозг сейчас далеко не в лучшей форме, но мне показалось странным и малость опасным ехать с таксистом за полночь на окраину заброшенной деревни по соседству с кладбищем. Я почти уверен, что в таком месте водителя очень заинтересовала бы картина ночной жизни, красующаяся в свете электрических ламп из окна нашего сельского клуба.

Поэтому я доехал до ближайшего официально жилого населённого пункта и, ощутив себя самоотверженным хранителем тайного знания, отправился пешком в родное Воскресенское.

На часах половина третьего. Самое время рассказать о причине моей задержки в городе и опоздания на последний автобус.

После работы я, как обычно, отправился на поиски честно заслуженных мною пирожных. Сегодня мой выбор пал на небольшую кондитерскую «Сластёна», их шоколадные тортики... лучше попробовать самому... скажу лишь, что хотя

бы ради них одних стоит работать.

В выходные там всегда полно детей. И потому я занял игнорируемый всеми семьями, но любимый большинством одиночек, одноместный столик. Было достаточно шумно, но это совсем не раздражало, напротив, кругом чувствовалась неподдельная пульсация жизни. То была заслуга счастливых объевшихся сладостей детей. Я не спеша наблюдал за их наивным, беззаботным поведением. Мысли незаметно наполнились ностальгией с примесью доброй зависти.

И тут мою умиротворённую задумчивость смело потоком цветочно-фруктового аромата. Конечно, это была она. Невысокая милovidная официантка Карина – чуть ли не единственная возмутительница моего посмертного спокойствия в отношении женщин.

И да, в «Сластёну», расположенную в трёх кварталах от моей остановки, я иногда ходил только ради того, чтобы увидеть её. Она устроилась сюда совсем недавно, но я уже запомнил график её работы и научился определять приближение Карины к моему столику, не отрывая глаз от меню, только по одному запаху её чудесного парфюма.

На этот раз, когда она окликнула меня и мне всё же пришлось перевести на неё свой смущённый взгляд, я растерялся особенно сильно – перебирая воспоминания детства, я совсем забыл выбрать кофе, а выдавить из себя хотя бы элементарное «капучино», как назло, не получалось.

Карина приятно заулыбалась и предложила мне новинку: «ванильное что-то с чем-то там ещё, очень вкусное, особенно с шоколадными бисквитами». Разве я мог не согласиться? Наверное, мог. Но только ради того, чтобы в ожидании заказа она подольше оставалась у моего столика, а я в это время мог почти вплотную наслаждаться её красотой и дурманящим запахом.

Что и говорить, я влюбился.

Мне не хотелось никуда уходить, терять Карину из поля зрения, я всё бесцеремоннее разглядывал её стройную фигуру в короткой джинсовой юбке и туго затянутом синем фартуке.

На улице стемнело. Я запил приторную кофейную новинку горьковатым американо, а затем терпким двойным эс-

прессо.

Забирая очередную чашку, Карина любезно предложила попробовать их новые пирожные. Я нечаянно ляпнул, что готов на всё, что она предложит. Она слегка покраснела и пошла к другому столику.

Вскоре из посетителей остался только я, а из сотрудников кафе только Карина – была её очередь считать кассу. Об этом я узнал, когда она сообщила мне, что кондитерская уже десять минут как закрыта, а я выпалил в ответ предложение проводить её до дома (детский сад – не иначе), но получил отказ. Тем не менее, мне всё же удалось завязать хоть какое-то подобие общения. И вот через полчаса, идеально расставив в кафе все стулья, протерев как можно тщательнее каждый стол, я вышел из кондитерской без единого шанса успеть на последний автобус, но со счастливым билетом на свидание с Кариной завтра, в четыре у ЦУМа.

25.07 (вечер)

Я не чувствовал себя так нелепо с того момента, как, вернувшись в жизнь, отплёвывал болотную тину на окраине Воскресенского. На такое унылое свидание не способен ни один оживший мертвец. Только я.

Нет, поначалу всё было вроде как неплохо, мы долго не могли найти общей темы для разговоров, но у Карины оказалось много нелепых приятелей (уверен, теперь я с ними в одной обойме) и обсуждение их глупостей и весёлых неудач спасло наше общения. Но тут ваш покорный слуга начал судорожно искать, куда бы сходить и, утопая в своей нерешительности, не нашёл ничего лучше, чем таскаться кругами по сомнительным дворам и узким разбитым тротуарам. И если в первый час Карина старательно не замечала моих ведущих в никуда, идиотских маршрутов, то на втором часу она предложила вернуться в центр. Прибавим к этому полдесятка моих ответов невпопад, несколько дурацких шуток, пару занудных, никому ненужных рассуждений; плюс никакой договорённости о следующем свидании, и всё – результат становится очевидным:

Я ОБЛАЖАЛСЯ!

26.07.

Сегодня сразу после работы я отправился обратно в Воскресенское, подальше от городских пейзажей, напоминавших мне о вчерашней неудаче.

К моему удивлению, привычно одинокое пребывание дома на этот раз оказалось невыносимым – в голову то и дело лезли неприятные, тревожные мысли. Чтобы хоть немного отвлечься, я решил в порядке исключения наведаться в наш клуб. Отчасти вовремя. Когда я вошёл, все внимательно слушали обычно молчаливого и неприметного Стёпу – сухенького мужичка лет сорока пяти. Он очень умело, во всех подробностях описывал свой неудавшийся поход к реке в нескольких километрах от нас. Путь лежал через скоростную трассу, на которой Стёпу, несмотря на его крайнюю осмотрительность, чуть не сбила машина. И в этот момент, если верить его словам, он почувствовал страх смерти, тот самый, что сопровождал каждого из нас на протяжении всей первой жизни, а после того, как мы очнулись на Воскресенском, бесследно исчез. Было удивительно слышать такое, многие требовали ещё больше деталей, пытаюсь разобраться, что же могло способствовать пробуждению давно утраченного чувства (прежде ни с кем из тех, кому случалось едва не попасть под колёса лихих городских гонщиков, ничего подобного не происходило). Кто-то даже захотел немедленно отправиться

тем же путём и повторить эксперимент с автомобилем. Все хотели вновь почувствовать страх.

Чтобы снова ощутить себя живыми.

27.07

Много думал о вчерашнем.

Пожалуй, вся наша жизнь соткана из страхов. И пока ты боишься – ты жив. Как только страх теряет над тобой свою власть, ты выпадаешь из потока жизни. Больше ты не её часть.

Сколько себя помню, всегда до жути боялся грозы: ослепительные вспышки молний, оглушительные раскаты грома... даже вспоминать неприятно. Особенно, если ненастье застаёт тебя врасплох посреди улицы и не оставляет ни единого шанса трусливо спрятаться в своей квартире.

Зато когда всё это метеорологическое буйство унималось, казалось, я никогда так не любил окружающий меня мир, торопливое чириканье птиц, опасно выходящих из своих укрытий людей, жизнь в целом.

Странно, что в "новой" жизни мне ещё ни разу не приходилось сталкиваться с моим главным страхом. Интересно, что бы я почувствовал теперь.

28.07

Сегодня Карина должна быть на работе. Нужно зайти и попытаться получить второй шанс.

Я был уверен, что ничего не получится, и тем не менее решился, приветливо подзвав её, чтобы сделать заказ, предложить ей после закрытия кафе сходить в кино.

Конечно, она отказала.

Очень доброжелательно, сетуя на то, что в начале августа у неё поступление в магистратуру и поэтому в ближайшие дни ей нужно усиленно готовиться к экзаменам.

Я залпом выпил самый горький в обеих своих жизнях эспresso и, даже не попрощавшись, отправился скитаться по городским улицам. Вокруг было необыкновенно много прохожих, и я украдкой заглядывал в лица каждому, пытаюсь найти хоть немного сочувствия в их глазах. Решительно всем я был безразличен.

Окончательно разочаровавшись в своих глупых надеждах на случайную встречу с каким-нибудь добрым и участливым незнакомцем, который хоть немного бы меня утешил, я понёс свою никем не узnanную печаль домой.

29.07

Ещё один унылый день позади. Осталось дожидаться, пока достираются вещи, и можно отправляться домой. Кстати, вечерние посиделки в пустой прачечной не такое уж скверное времяпрепровождение. Сидишь себе, мечтаешь о чём-нибудь хорошем (или не очень) под мерный гул барабана. Ещё можно рассматривать удивлённые лица прохожих за окном, большинство из них откровенно не понимает, кто же до сих пор пользуется услугами прачечных. Что ж, не спорю, они не чета модным сетевым химчисткам с курьерской службой в придачу, пережиток прошлого – не иначе. Прямо как восставшие мертвецы. Вот мы и нашли друг друга.

Меня пришёл поддержать актуальный в любом времени и месте кот. Я случайно заметил его пушистую серую морду, замороженно наблюдающую с улицы за оборотами барабана, и решил, что кошачий бродяга – самая подходящая компания на вечер.

Я незаметно запустил кота внутрь. Мы расположились напротив явно обладающей гипнотическими свойствами стиральной машинки, и, увлечённо следя за полосканием, разделили нехитрую трапезу. Сегодня я как раз купил немного копчёных колбасок – сладкого в последние дни мне совсем не хочется. Мы не спеша, с большим удовольствием перекусили с моим новым знакомым.

Машинка закончила отжим, и я аккуратно сложил ещё немного влажные вещи в рюкзак, предназначенный специально для большой стирки. Котик довольно помурчал на прощание в ответ на мои поглаживания, и мы, оставив гостеприимную прачечную, разошлись каждый своей дорогой.

31.07

Сегодня я взял выходной. Ребята из деревни закончили свой амбициозный летний проект по ремонту и расширению бани и теперь звали всех на торжественное открытие. Вообще, баня почти такое же важное место общественной жизни Вознесенского, как и сельский клуб, поэтому отказаться от предложения было бы попросту неуважительно. К тому же в бане я частый гость в отличие от того же клуба. Да и в работах по восстановлению крыши пару раз помогал. Так что да здравствует сельский праздник!

Всё прошло на славу, попарились как следует, пообщались. Было даже весело. Но навязчивая мысль наладить отношения с Кариной не отпускала меня.

3.08

Первые дни августа одарили меня двумя новостями. Одна плохая, другая тоже.

Начнём с того, что заветный костюм апельсина отдали только что устроившейся девочке-студентке. Видите ли, она активная, в ней много жизненных сил (больше, чем в недавно мёртвом человеке, вот это да, не может быть!), да и для других костюмов она слишком миниатюрная, а вот новый фрукт ей в самый раз. С момента моей смерти справедливости в этом мире не прибавилось ни на грош...

Спонсор второй скверной вести другая студентка. Сегодня твёрдо решил пойти в кафе и всеми правдами и неправдами добиться второго свидания от Карины. За последние несколько дней я до мелочей продумал все возможные диалоги, просчитал десятки вариантов развития событий, прошёл по предполагаемым прогулочным маршрутам, прикинул, в какие кафе/кинотеатры мы можем зайти по пути... да что и говорить, я готов был претендовать на первый поцелуй! В итоге, когда я полный решимости заявился в «Сластёну», Карины там не оказалось. Решив, что ошибся с графиком работы, я вежливо расспросил у незнакомой мне официантки про объект моего воздыхания. Её звали Настя, и она оказалась подругой Карины. Та, как выяснилось, успешно сдала вступительные экзамены и осталась подыскивать себе рабо-

ту в новом городе, а старое место у нас уступила Насте.

Помимо лучших лет, похищенных в молодости, теперь высшее образование украло мою нечаянную любовь.

Настю, кажется, очень заинтересовала моя персона. И она, идя на поводу у врождённой болтливости, ежеминутно, как бы невзначай, подходила ко мне и осыпала ворохом различных фактов, которые с каждым разом имели всё меньше отношения к Карине и даже к самой Насте.

Я понял, что оказался в эпицентре какого-то водоворота сплетен. Пришлось действовать быстро.

Я торопливо догрыз ненавистное безе (специально заказал, свой нелюбимый десерт, чтобы лучше прочувствовать горечь момента) и, пока Настя обслуживала чей-то столик, я оставил счёт и поспешил на свежий воздух.

Вдохнув полной грудью и с непривычки закашлявшись, я наконец-то почувствовал себя свободным. Что бы это ни значило.

4.08

Наверное, мне, прожившему свою жизнь от и до и оказавшемуся здесь снова, следовало бы постичь наконец её смысл. Не знаю... ума и мудрости у меня, кажется, не прибавилось, и потому я до сих пор убеждён, что весь на первый взгляд такой неуловимый и загадочный смысл жизни, в конечном счете, сводится к одному – осознать себя счастливым. В погоне за такими важными для нас мгновениями мы трудимся, мечтаем, отчаиваемся. И так из года в год. Всё ради главного откровения жизни: «Мы можем быть счастливы!».

Кто после этого посмеет назвать нашу жизнь лёгкой?!

8.08

Честно, когда я отнёс законченную тетрадь в «Угрюмую улитку», то зарекся писать. Но то ли от того, что мои записки исчезли на следующий же день и до сих пор не вернулись на книжные полки литкафе (или ими кто-то удивлённо зачитывается, или их сожгли; понятное дело я тешу своё самолюбие первым вариантом), то ли от того, что вся эта писанина уже вошла в привычку, и дни без неё мне кажутся бессмысленными и потраченными впустую, я начал вторую тетрадь.

Знали бы Слизнёвы, какого монстра они создали...

9.08

Не могу уснуть уже третий час. Кофе в термосе кончился. На улице вот-вот вольёт дождь. Делать решительно нечего. Продолжу ворочаться в постели, дожидаясь рассвета.

Кажется, я ненадолго задремал, но то, что сейчас творится на улице, это какой-то кошмар наяву. Прежде никогда не слышал такого грома. Его раскаты длятся по несколько минут, перетекая один в другой, словно и не собираясь заканчиваться. Похоже, будто все вокруг кипит в огромном котле неба. Вспышки молний то и дело освещают мои бледное трясущееся тело, врываясь в окна то справа, то слева.

Я зажёл свет, посмотрел в зеркало – лицо как у покойника. Без всяких шуток. Правда. Как будто я никогда и не оживал. Я очень боюсь... Боюсь, что меня убьёт молнией. Этот страх преследовал меня всю жизнь. И сейчас он ещё сильнее, чем когда-либо.

Так, надо взять себя в руки. Хватит. Как можно бояться смерти, если ты уже умер? Да и когда вообще в последний раз человек погибал от удара молнии? Эти страхи – просто бред. Сейчас я оденусь, выйду на улицу и докажу сам себе, что бояться больше нечего.

Некролог

Вот и прервалась извилистая тропа жизни нашего доброго товарища и отзывчивого соседа Антона. Его бездыханное тело обнаружили утром девятого августа на холме, близ разрушенной деревенской часовни. Там же было решено при-
дать тело земле.

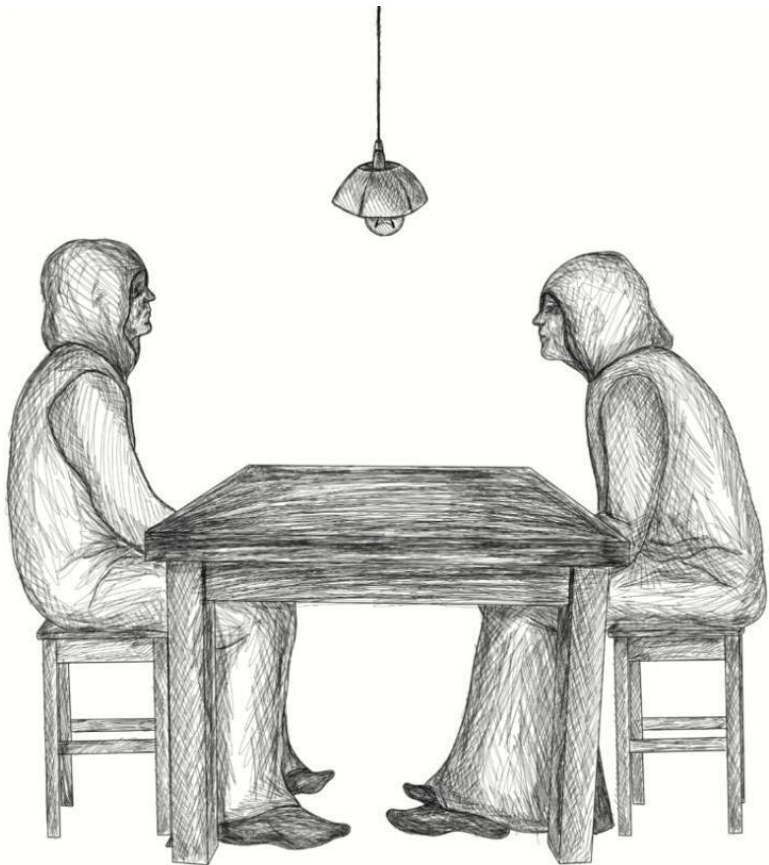
Антон всегда пытался найти независимый и отличный от других путь к познанию себя, тайн жизни и предназначения. Мы верим, что на исходе своих странствий он обрёл те заветные ответы, и наградой за упорные поиски ему станет вечный покой.

Человеку очень сложно принять вечность.

Тем не менее, Антону это удалось.

Эпилог

- Почему я снова здесь?
- А мне почём знать?
- Я же с тобой уже разговаривал!
- И как беседа, удалась?
- Нет.
- Нехорошо вышло, но здесь по-другому и не бывает.
- А здесь это где?
- Здесь – это здесь.
- Замечательно! А почему я снова с тобой разговариваю?
- Значит, тебе есть, что мне сказать.
- Я ухожу.

Один из силуэтов уверенно поднялся из-за стола и подошёл к выхваченной качнувшимся в сторону конусом света двери. По комнате прокатился оглушительный щелчок повернутой дверной ручки.